

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

В дневнике не сказано, что Коля, будучи славным и порядочным молодым человеком, в отношениях со мной был настроен вполне серьёзно, вплоть до женитьбы. Но, увы, из пересказа жизни, протекшей в последующий трёхмесячный период, видно, что ничего основательно из этого не получилось. Зато произошло колоссальной важности для меня радостное событие.

«7 сентября 1940 г. Сейчас перечитала последнюю запись. Я была права, не решившись написать, что я счастлива. Всё прошло и рассеялось, как дым. Опять это всё оказалось не то. Коля (учится в Академии художеств) сейчас на практике в Москве до 1-го ноября. А до 15 июня мы встречались с ним почти каждый день. Я немного нравственно отдохнула. Событий с тех пор произошло порядочно.

С 15 июня я была на практике в Мариуполе – сплошной курорт! Ходили купаться, загорать и по кафетериям. Заглядывали, конечно, и на «Азовсталь». Вечером гуляли по набережной».

По возвращении с практики в Ленинград я была потрясена радостным известием, что арестованным жёнам, в том числе и моей маме, разрешили свидание с их детьми.

«10-го июля я была уже в Карелии (на станции Сегежа, куда их перебросили из Темниковских лагерей под Потьмой) и провела с моей любимой мамочкой 5 дней, ставших днями счастья и искупления за все три жутких года. Рассказов и впечатлений столько, что полмесяца после этого я находилась, как в чаду. Детали врезались в мозгу на небывалую глубину и никогда уже не сотрутся. С 6 до 11 часов каждый вечер я наслаждалась близостью и созерцанием моей ненаглядной мамульки. От некоторых подробностей из её рассказов волосы вставали дыбом и лились слёзы.

Интеллигентные женщины с сумочками и приодетые, следующие под конвоем на свидание с родными, производили величественное и, вместе с тем, убийственно жалкое впечатление.

По-видимому, охлаждение к Коле, вызвавшее меня сопроводить в эту поездку, началось именно с того момента, когда всё внутри было атрофировано и вытеснено тяжёлыми психологическими переживаниями. После каждого свидания с мамой – тоска, раздражение и слёзы. В результате, попрощалась с ним ультрахолодно, несмотря на то, что маме Коля своей красотой и воспитанностью очень понравился, и она осталась довольна моей с ним дружбой.

Позже, 18-19 июля, была с Колей и его товарищами в Выборге – смерть, разруха, уныние, в общем, тоскливо-мрачное впечатление.

Забыла написать, что по дороге из Москвы в Ленинград, ещё при возвращении из Мариуполя,

в поезде познакомилась с интересным юношей (Мишей) – студентом Одесского радиотехнического института. Умница и оригинал. Всё лето переписывались, занято и остроумно, и даже несколько раз встретились в его приезды в Ленинград».

Вспомнился один эпизод из неотражённых в дневнике. Той же осенью 1940 года посетил Ленинград и семью дяди Миши Амбарцум Серафимович Кечек. Этот прекрасный души человек проявил ко мне большое сочувствие. Беседа наша с дядей Амбарцумом вышла долгой и утешительной. Он сказал, что очень любит моего отца и надеется его увидеть.

Из дневниковой записи от 25 октября 1940 года:

«3-го октября 1940 года разыгралась историческая трагедия советской молодёжи. Была проведена потрясающая по жестокости и подлости реформа – отменена стипендия. «Перепроизводство инженеров». Даёшь некультурность! Понадобились кадры рабочей силы. И вот миллион несчастных студентов, державшихся за жалкую стипендию, тратя силы ради науки и знаний, а также для завоевания, наконец, не полугодного существования, остались без куска хлеба. Начались митинги – этой атмосферы я не забуду никогда – удивительная забитость и угнетённость молодёжи. О, жалкий, жалкий протест! Мало того, к 1 ноября нам надо ещё всем внести по 200 рублей за учёбу (400 р. за год). Свободного расписания не дали! Они явно, как один из партийцев оговорился в чаду волнения, «гонят» нас на социалистические производства и «собирают последние крохи». Я в институте пока остаюсь, т.к. уйти – это значит погибнуть: специальности нет, работы нигде нет – ужас! Кто-то из студентов сказал, что институт сейчас для него вопрос жизни или смерти...».

Затем ведение дневника прекратилось и продолжилось только через семь месяцев.

«23 мая 1941 года. Мрачная годовщина: 4 года, как взяли моего отца. Тоска, глушь и туман. Боже! Дай мне силы.

19 июня. Сессия за 3-й курс окончена, у меня средний балл 4,2. Экзамены сдала раньше срока на 11 дней – словно по наитию, как выяснилось тремя днями позже, т.к. прежде досрочно ничего никогда не сдавала, – впереди свобода, отдых, до некоторой степени, радость.».

Но!!! 22 июня 1941 года – НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКИХ ВОЙСК – ВОЙНА!!!

«22 июля 1941 г. – месяц после начала войны. Немцы под Псковом, под Смоленском, под Полоцком и т.д. Линия фронта огромна. Первая бомбардировка Москвы. Есть убитые и раненые (из сводки). Возникли пожары, думаю, много. Безумно волнуюсь за своих в Москве... У нас страшно часты тревоги, но бомбёжки ни одной

пока не было, не говорю, конечно, о пригородах – там разруха. Всё население роет «эскарпы» – окопы против танков вокруг Ленинграда, обороняемся!...».

Известно, с какой стремительностью шло наступление немцев, поэтому не только на фронте, но и в тылу с первых же дней войны над людьми нависло ощущение близкой гибели.

«7 августа 1941 г. Всех моих друзей и приятелей позабирали кого куда. Жорж Шишков – преданный друг ещё со времён рабфака, делал даже предложение, находится в Народном ополчении (защитники Ленинграда, на худой конец). Арик, сокурсник по институту, бывавший часто у нас дома, – в артиллерийском техническом училище, где проучится месяцев 6, а затем на фронт (там они, как в тюрьме, увольнительных не дают). Миша приехал в Ленинград. Как он рассказал, защитив в институте диплом на «отлично» на 2-й день войны, он получил право выбора: Академия им. Жуковского в Москве, ещё что-то и Ленинградская Военно-Воздушная Академия им. Можайского. Он выбрал последнюю. Даже Коля Волков позвонил – копает окопы на Карельском перешейке».

Уже после войны я узнала, что Коля Волков погиб на фронте в первый же месяц.

«Одним словом, со всеми трогательно распрощалась и теперь никого не вижу. Только несколько дней подряд встречались со Славой. Он всё тот же, исключая его здоровье, естественно, резко ухудшившееся из-за скверного питания. Введены карточки, между прочим. Стоим по очередям. Написала рассказ.

От мамы ничего нет. Одно время страдала, мучилась, но никто ведь сейчас не получает писем, почта работает отвратительно. Я же была тут больна: выскочили фурункулы, теперь цистит, не понимаю, откуда эти напасти. Но они спасли меня от окопов, откуда под натиском противника бежали люди или гибли под снарядами. Сейчас врач велел лежать после прижигания, делать нечего, вот и решила заглянуть в свой давно заброшенный дневник.

В сводках существенного очень мало – вначале даются направления, в которых ведутся бои, и потери авиации с обеих сторон – и всё!

Сегодня направление: Смоленское, Белоцерковское, Корестеньское, Холмское, Кексгольмское. <...>

8 сентября 1941 г. Первая бомбёжка Ленинграда – ощущение довольно сильное. Меня тоже уволкли вниз, в бомбоубежище (между нами, считаю это сплошным блефом, т.к., говорят, бомбой пробиваются насквозь 8-этажные дома, а у нас... 3 этажа). Захватили с собой карты и там продолжали пулюку. Преферанс теперь у нас в большом фаворе, как и вообще карты.

(Продолжение в следующем номере).